

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Фролов О. В.

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей и профессиональной педагогики, Оренбургский государственный университет (Россия), 460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, 13, fov-osu@mail.ru

УДК 35.088.6
ББК 67.401.02р

Цель: рассмотреть аксиологические проблемы профессиональной подготовки будущих менеджеров государственного управления в компетентностно ориентированном образовательном процессе управленческого вуза.

Методы: работа основана на социолого-культурологическом выявлении и рассмотрении проблем, касающихся дестабилизации аксиологических стандартов профессиональной подготовки будущих менеджеров государственного управления. Использовались методы теоретического исследования, включающие междисциплинарный анализ и синтез информации из философской, социологической, педагогической литературы; эмпирические методы: изучение опыта организации образовательного процесса, анкетирование, анализное собеседование.

Результаты и научная новизна: проанализировано современное состояние культуры государственного управления. Представлены исследовательские позиции по заявленной проблематике. Установлены причины дестабилизации аксиологических стандартов профессиональной подготовки будущих менеджеров государственного управления. Сделан вывод о том, что рассогласованность культуры государственного управления и компетентности менеджера требуют изменения параметров их профессиональной подготовки, что возможно на основе взаимодополняющих друг друга компетентностного и культурологического подходов.

Ключевые слова: аксиология, аксиологический императив, государственная служба, менеджер государственного управления, профессиональная подготовка, ценность.

AXIOLOGICAL IMPERATIVES OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE MANAGERS OF GOVERNMENT MANAGEMENT

Frolov O. V.

doctor of Pedagogical Sciences, associate Professor, Professor of the Department of General and professional pedagogy, Orenburg State University (Russia), 460018, Russia, Orenburg, Pobedy Av., 13, fov-osu@mail.ru

Purpose: to consider the axiological problems of the professional training of future managers of public administration in the competently oriented educational process of an administrative higher educational institution.

Methods: The work is based on the sociological and cultural discovery and consideration of problems related to the destabilization of the axiological standards of professional training of future managers of public administration. Methods of theoretical research were used, including interdisciplinary analysis and synthesis of information from philosophical, sociological, and pedagogical literature; empirical methods: studying the experience of the organization of the educational process, questioning, analysis interview.

Results and scientific novelty: analyzed the current state of the culture of public administration. The research positions on the stated problems are presented. The causes of destabilization of axiological standards of professional training of future managers of public administration are established. It is concluded that the discrepancy between the culture of public administration and the manager's competence requires changing the parameters of their professional training, which is possible on the basis of mutually complementary competence and culturological approaches.

Key words: axiology, axiological imperative, public service, manager of public administration, vocational training, value.

Специфичность культурных форм начала XXI в., характеризующихся «технологическим прагматизмом, политическим цинизмом, экономическим детерминизмом» (Н. Г. Багдасарьян), дает основание предполагать возможность значительных изменений в современной культуре государственного управления, обусловленных процессами менеджериализации и компетентциализации, что актуализирует проблему аксиологических императивов профессиональной подготовки будущих менеджеров государственного управления, «обеспечивающих социальный порядок на уровне ценностного консенсуса и смысловых интерпретаций» (И. Б. Пржигинская).

Глобальный курс государственного управления исключительно на экономическую эффективность (при формальном декларировании развития благополучия конкретного человека), девальвация внутреннего чувства справедливости и уважения к «простому человеку», скрываемое за профессиональной строгостью и защитой интересов государства, усиление рационального понимания основных принципов и норм морали, когда критерием оценки этических правил является удовлетворение собственных потребностей, отрицательно сказались на моральных и профессиональных характеристиках менеджеров.

Концепция личной пользы стала культурной доминантой в профессиональной деятельности, что привело к кризису компетентности, явившемуся итогом снижения требований к профессионализму и ослабления роли профессионального образования как феномена культуры.

Сложившееся представление о компетентности как «специфической способности эффективного выполнения конкретных действий» (Дж. Равен) не отражает ее понимания в качестве духовного акта человека, лишённого таких «результатов», как выгода и польза, что и привело к своеобразной интерпретации рационализма в государственном управлении.

Между тем компетентность, являясь показателем способности к деятельности «со знанием дела», выступает одновременно феноменом культуры, совокупностью ценных для общества качеств личности, позволяющих ей обогащать общественную практику высокими духовными и материальными достижениями. Характеризуя духовно-нравственную сущность личности, компетентность обуславливает ее поступки и возможность решения личностью проблемы гуманизации общества.

Исследователи не раз отмечали, что «в основе политической деятельности социальных субъектов (будь то личность или государство) лежит *стремление к достижению собственных интересов или интересов других субъектов, если они* (и интересы, и субъекты, —

а, как правило, и те и другие вместе взятые) *благоприятны для данного актора*» [1].

Рационалистическая заданность деятельности социальных субъектов (государства, государственных служащих) меняет парадигму культуры государственного управления и отношений в этой сфере, формируя новые принципы-требования междисциплинарного поведения, характеризующиеся «снижением потребности в общении к субъектному «участию» или хотя бы активному «присутствию» в решении общих задач» [2].

Практика показывает, что в современной ценностно-этической системе менеджеров государственного управления, определяющей их действия, декларируется отказ от этики, уважающей достоинство и свободу личности, усиливаются социально опасные тенденции, характеризующиеся стремлением к личному коммерческому успеху, самолюбованию и выставляемым напоказ цинизмом, формирующим устойчивую оппозицию общества и власти, разрушающую в ходе социального взаимодействия культурную интеграцию.

Мы наблюдаем поколение менеджеров, объединенных не государственным, а «товарным мышлением и внутренней страстью к искусству престижитатора» (А. Вислова), которые «по казенной надобности воспламеняются и свирепеют с изумительной легкостью» (М. Е. Салтыков-Щедрин). Но, «словом сказать, это обыкновенные «русские люди», у которых брюхо болит, если где плохо лежит» (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Из культуры государственного управления «вымывается» этическая составляющая; оно все больше превращается в театральное представление, «репертуар» которого вызывает искренний общественный протест.

Из условного словаря ключевых понятий культуры и аксиологии государственного управления постепенно реально исчезают (при частом формальном цитировании): демократия, нравственность, порядочность, гражданственность, патриотизм, гуманизм, честность, замещаясь иным набором: менеджмент, бюрократическая изобретательность, личный спекулятивный интерес, карнавальные назначения, истеклишмент, рыночная ментальность, равнодушие, эгоизм. И этот список «расширительному толкованию» подлежит.

Как писал Н. А. Бердяев, «много есть загадочного в русской истории, в судьбе русского народа и русского государства» [3]. Загадкой остается и то, почему «отечественную историю сопровождает одно огорчительное обстоятельство: незатухающее недовольство государственной властью, постоянные нарекания в адрес чиновничества в виду отсутствия честности и должной законности в ее деятельности»¹.

¹ Цит. по: Голосенко И. А. Начальство. Очерки по истории российской социологии чиновничества конца XIX – начала XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том VIII. М 1.

Фролов О. В.

Видимо, это свидетельство той самой культурной памяти социального субъекта, «холодная» разновидность (*Ян Ассман*) которой выполняет консервативную функцию поддержания и увековечивания существующего положения вещей. Повторяющееся содержание культурной памяти в ее «холодной» версии подтверждает, к сожалению, естественность названного положения для России.

Кроме того, ценностная система <государственной службы> является достаточно инертным образованием, слабо подверженным модификациям. Усвоенные ценности редко поддаются трансформации, и для утверждения новых ценностных приоритетов необходима целая совокупность условий – как экономических, так и социокультурных [4].

Мы склонны согласиться с мнением проф. А. В. Костиной, которая утверждает, что «целесообразная деятельность в качестве определяющей стратегии <государственного управления>, инструментальность ценности разума, служащего реализацией тактики достижения успеха и признания, отказ от постижения основ бытия в пользу отработки методов разрешения проблемных ситуаций, восприятие истины в качестве относительной субстанции, подчиняющейся интересам настоящего момента, рациональная этика, наконец, ориентация на потребности личности – все эти принципы инструментализма, операционализма, прагматизма, позитивизма... стали основой специфического мировоззрения с утилитарным, потребительским отношением к миру» [5].

Проф. П. Н. Васильев пришел к выводу: «Современный человек, со школы усвоивший элементы рационалистически-механистического мировоззрения, уже с большим трудом может представить реальность как упорядоченный, живой и гармоничный Космос. К тому же современная картина Мира фрагментарна; она складывается из разрозненных и плохо подогнанных друг к другу знаний и мнений, идущих от отдельных научных дисциплин и областей культуры» [6].

Напомним в этой связи мысль Б. Г. Ананьева: «Свести жизнь человека только к рациональному отношению к действительности означало бы лишить человека чувственных источников не только мышления, но также эмоций, возникающих на основе потребностей с их бесконечной разнообразной «гаммой» и «палитрой» красок» [7].

Оценивая современное состояние культуры государственного управления, мы пришли к выводу, менеджеры государственного управления манифестируют уверенность в правильности собственных ценностных систем, а нравственное поведение большинства легитимных носителей властных полномочий не всегда обеспечивается страхом перед последствиями нарушения закона или моральных норм; более того, санкции зачастую игнорируются, и мы получаем чиновника «который

думает только об удовлетворении жажды удовольствий, амбиций, власти и глух к моральным предписаниям» [8].

Судебные документы, результаты журналистских расследований, подтверждаемые официальной информацией компетентных органов, увеличивающийся поток жалоб в федеральные органы власти и управления о ненадлежащих действиях или бездействии государственных (и муниципальных) служащих, общение Президента Российской Федерации с гражданами в формате «Прямой линии», позволяют сделать тревожный вывод: ценности, т.е. «то, что значимо для жизни человека, тот предпочтительный объект, присутствие которого оказывает влияние на содержательный ход жизни» (*А. В. Кирьякова*), реализуемые в нормах поведения, чаще всего определяются их собственным мнением, а этические суждения, основанные на догматике «служения государству», инициируют кризис власти, актуализируя проблему нравственной небрежности в государственном управлении. Ученые, конечно, это понимают, о чем свидетельствует фрагмент статьи проф. Н. Г. Багдасарьян: «Втягивание населения в процессы, не разрешающие проблем, касающихся миллионов граждан, вызывает массовое недоверие правящим элитам, депрессивные состояния, снижение креативной энергии и, что, вероятно, самое главное – потерю культурного смысла своей деятельности – и профессиональной, и гражданской» [9].

Следствием изменения ценностного мировоззрения менеджеров государственного управления под влиянием культурных факторов, обусловленных субъектно-средовыми деструкциями, является коррупция, признанная в качестве «одной из основных угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации» [10].

Мы убеждены, что в настоящее время сформирован принципиально новый тип культурного взаимодействия – коррупционная культура, – утверждающая рациональное понимание целесообразности, разрушающая диалогическую модель выражения культурных позиций и ценностей субъектов государственного управления, разлагающая и извращающая волю, мышление, веру, совесть человека, оказывающая отрицательное влияние на качество правовой культуры как системы ценностей.

Проф. В. Л. Бенин высказался по этому поводу вполне определенно: «коррупционная культура – интегративная характеристика управленческой практики; включает единство как непосредственной противоправной деятельности руководителей органов государственной власти и управления в целях личной наживы, так и результаты этой деятельности, закрепленные в виде собственности и карьерных предпочтений с целью передачи по наследству».

Признание «высшим», и, видимо, вечным и неизменным приоритетом «чиновничьего» достоинства,

и «прискорбное принижение достоинства человека» (Д. Гудинг) делает проблематичным реализацию призыва Президента Российской Федерации к «прорывам во всех сферах» в контексте отказа от «бюрократической мертвечи», превращая его в не более чем «экзистенциальное успокоительное средство» (У. У. Уотерс) для общества, ждущего активных перемен.

Тенденции, которые мы рассмотрели выше, приводят нас к выводу о том, что рассогласованность культуры государственного управления как совокупного опыта субъекта культуры, практического смысла, определяющего логику социальных взаимодействий в соответствии с определенными государством правилами-принципами, и компетентности менеджера как совокупности значимых для общества духовно-нравственных качеств личности, позволяющих ей обогащать общественную практику высокими духовными и материальными достижениями, требуют изменения параметров профессиональной подготовки будущих менеджеров государственного управления.

В рамках гуманистической образовательной парадигмы главной задачей и проблемой профессиональной подготовки, по нашему мнению, является выработка умения сочетать высочайший профессионализм (суть образованность – Р. М. Фатыхова), направленный на поддержание нормативного порядка в пространстве «здорового смысла» (И. Гофман), с нравственными установками, имеющими статус аксиологических императивов.

Аксиологические императивы мы определяем как совокупность безусловных, базовых духовно-нравственных и морально-этических предписаний, задающих и определяющих культурные стандарты социального и профессионального взаимодействия персонализированного субъекта <государственного управления> в условиях дихотомии рационального и духовного, характерной для эпохи ценностных трансформаций российского социума. Как полагает проф. А. В. Кирьякова, «аксиологические императивы определяются: отношением к профессиональной деятельности как к призванию, миссии; мотивационной направленностью актора <государственного управления> на личность; гуманизмом; эмпатическим отношением к проблемам людей; диалогизмом; сотрудничеством» [11, с. 52].

При рассмотрении содержания аксиологических императивов заслуживают серьезного внимания критические замечания М. С. Кагана, который показал, что для аксиологии «существенно важно, какие именно потребности, нужды, интересы порождают то или иное действие – жажда наслаждения, утилитарный расчет или нравственные, эстетические, религиозные, политические, духовные устремления как формы ценностной ориентации человека» [12, с. 27].

Рассмотрим содержательное наполнение аксиологических императивов, определяемых культурно-исто-

рической заданностью и своеобразием ее понимания в современном российском обществе.

Мы разделяем позицию автора теории ориентации личности в мире ценностей проф. А. В. Кирьяковой, которая в своей известной работе «Аксиология образования» утверждает, что «совокупность социально значимых ценностей обуславливается приоритетом общечеловеческих ценностей и включает в себя ценности, преимущественно сохраняемые во всех общественных системах – истину, добро (гуманизм) и красоту; общественно и личностно значимую ценность – жизнь; особо актуальную для нынешнего этапа развития общества – Отечество; приоритетную, обеспечивающую прогресс и процветание общества и личности ценность – труд» [11]. Идея и научно обоснованная позиция проф. А. В. Кирьяковой о том, что гуманистическая ценностная ориентация – «аксиологическая пружина» – придает активность всем остальным звеньям системы ценностей и определяет содержание современных ценностей государственного управления, приобретает совершенно новый смысл и значение в современной интерпретации, когда система нравственности оказывается искаженной и неэффективной, поскольку не основывается на объективных нормах и критериях социального взаимодействия.

Профессиональная готовность будущего менеджера государственного управления, представляющая в обобщенном виде совокупность качеств и способностей личности, необходимых и достаточных для социально полезной и социально безопасной профессиональной деятельности в сфере государственного управления, включает сложное ценностное содержание. Учитывая специфику деятельности в сфере государственного управления, и опираясь на специальные исследования, раскрывающие понимание ценностных категорий: человек как ценность (А. И. Титаренко, О. Н. Крутова); красота как ценность (Ю. Б. Боров, Л. Н. Столович); Отечество как ценность (Л. В. Скворцов, В. Е. Давидович); труд как ценность (Л. Млчох, П. П. Бунич), нами выделены в качестве доминирующих следующие аксиологические императивы профессиональной подготовки, «воплощающие в себе национальные и общечеловеческие ценности духовной жизни общества и составляющие одну из существенных основ его стратегии в сфере образования»: Отечество, Человек, Труд (профессия), т. е. тот самый «ценностно-мотивационный ряд, стимулирующий человека к действию и добавляющий значение определенного критерия, в свете которого оцениваются его поведение и деятельность» [11, с. 56].

Мы не раз утверждали, что новый тип культуры, складывающийся в XXI веке, обуславливает поиск нового типа образования, «работающего» на вызовы времени. Принципиально меняющаяся парадигма профес-

Фролов О. В.

сионального образования предполагает формирование не личности определенного типа, а человека в многомерных характеристиках своего существования, в котором скрыто много рационального, но в нем все меньше чувственного, бессознательного, а возможно, и трансцендентного, плохо поддающегося анализу, что требует обращенности к гуманистическим началам образования, предполагающим связь его теории с теорией культуры, поскольку образование и есть освоение культуры (в том числе профессиональной), представляющей собой нормативные требования к деятельности людей [13].

Современный образовательный процесс, в котором осуществляется профессиональная подготовка будущего менеджера государственного управления, меньше всего ориентирован на становление культурного человека, ибо это процесс активного, целенаправленного развития и саморазвития в постижении, воспроизводстве и приумножении культурных ценностей. Компетентностный же формат представления результатов образования предполагает прежде всего технологизацию передаваемого опыта. Компетентностный подход, имеющий в своей основе экстраполяцию идей философии прагматизма, гуманистически бесцелен: в нем подчеркивается подчиненность знаний умениям, приоритет личного опыта, связанного с отношением к содержанию компетентности и объекту ее приложения. Названные аксиологические императивы не определяют содержание ФГОС ВО по направлению подготовки 38.04.04 «Государственное и муниципальное управление» (уровень магистратуры) и 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» (уровень бакалавриата). Культурологическая концепция, в которой содержание управленческого образования включает знания, способы и опыт деятельности в сфере государственного управления, эмоционально-ценностного отношения менеджера к миру, «разорвана», представлена фрагментами культурных текстов, что не способствует потенциальной интервенции аксиологических императивов в практику профессиональной подготовки. Как отмечает проф. Л. А. Беляева, «своеобразие современной парадигмы образования состоит в том, что акценты переносятся на ценностно-ориентационный компонент, связанный с *самостоятельностью в выборе ценностей, лежащих в основе самореализации личности, и прагматический компонент, нацеленный на развитие способностей действовать и достигать поставленных целей*» [14, С. 111]. Но нельзя сводить ценность *Отечества, Человека, Труда (профессии)* к проблеме произвольного личного выбора и вкуса, ставить в зависимость от субъективного суждения конкретного человека, так как названные ценности заключены в самой жизни, они объективны.

Кроме того, необходимо признать, что ценностная система российской культуры утратила своеобразие,

оказав влияние на мировоззрение человека, сформировав новые взаимосвязи чувственного и интеллектуального. Блок первостепенной важности, который, по мнению М. С. Кагана, составляют ценности человеческого достоинства, мира, сохранения среды, гостеприимства, образования, уважения к старшим, скромности, патриотизма, святости родной земли, уступил место блоку второстепенной важности, включающему ценности богатства, первенства, религии, авторитаризма и национальности [12].

Анализ мотивов поступления в вуз по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» подтверждает выводы известного ученого и свидетельствует о том, что профессиональная деятельность в сфере государственного управления не осознается большинством абитуриентов как культурная ценность, глубоко нравственная, персонифицированная, этическая, социально ориентированная, сугубо индивидуализированная, целенаправленная на служение личности, обществу, государству. Так из 150 респондентов 59 чел. (88,5%), ссылаясь на официальную декларационную информацию о доходах чиновников, рассматривают деятельность на государственной службе как «возможность обеспечить безбедное существование»; 37 чел. (55,5%) считают, что «работа после окончания вуза позволит установить нужные связи»; 45 чел. (67,5%) хотят стать чиновниками, чтобы «получать должности и гордиться этим, отличаясь от других»; 5 чел. (7,5%) заявили «хочу работать для того, чтобы Россия была процветающим государством»; 4 чел. (6%) думают, что «работая в органах власти, смогу многое сделать для людей».

К сожалению, вузовский образовательный процесс с его специфической матрицей ценностей российского образования не способствует перенормированию ценностной ориентации выпускников, сохраняя мотивационный стандарт, заданный фундаментальными дефектами в нравственной организации современного российского общества, где именно «культурные влияния выступают основным инструментом зла, разрушающим мир социального взаимодействия» (К. Rogers).

Передаваемые знания в меньшей степени являются компонентом гуманистического мировоззрения и не оказывают существенного влияния на повышение статуса Отечества как ценности, Человека как ценности, Труда как ценности и аксиологической формы культуры, в которой «получает отражение центрация индивида в деятельности, а вместе с ней и его рефлексия на себя» (М. Б. Туrowsкий). Передаваемые и приобретаемые знания как элемент духовно-нравственного развития личности не играют важную роль в выборе линии поведения будущих менеджеров государственного управления, в регуляции деятельности по присвоению культурных ценностей.

Мы единомышленны с проф. В. Л. Бениным в том, что содержание профессионального образования будущего менеджера государственного управления должно выстраиваться на основе взаимодополняющих друг друга компетентностного и культурологического подходов при ведущей роли последнего, поскольку «культурологический подход как ведущий метод проектирования образования, центрированного на человека, представляет собой понимание образования как культурного процесса в культуросообразной среде, все компоненты которой наполнены человеческими смыслами и служат человеку, проявляющему свою индивидуальность, способность к культурному саморазвитию и самоопределению в мире культурных ценностей» [15]. Неформальное содержательное объединение компетентностного и культурологического подходов дает возможность компетентностному подходу определить цель, а культурологическому – выработать критерии ее достижения. Основную содержательно-смысловую сущность профессиональной подготовки студента – будущего менеджера государственного управления – основанную на аксиологических императивах «Отечество», «Человек», «Труд», по-нашему мнению, должны составить: изучение специфических культурных профессиональных ценностей в их генезисе; приобретение теоретико-методических знаний по изучению духовного мира личности и приобщению к общезначимым культурологическим приоритетам; использование полученных знаний, умений и навыков в процессе прохождения различных видов практики. Такой подход обеспечит постепенное осмысление профессиональных культурных ценностей, существенно дополнит и обогатит общетеоретическую, академическую, методологическую, философскую, культурологическую и социальную подготовку будущего менеджера государственного управления.

Литература:

1. Филатов А. С. Культура глобализации или Глобализация культуры // Человек и христианское мировоззрение. Сохранение нравственного и физического здоровья в мире изменяющейся культуры. Альманах. 2004. №9. С. 140–143.
2. Бондырева С. К. Психолого-педагогические проблемы интегрирования образовательного пространства. Воронеж: МОДЭК, 2011. С. 343.
3. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: МГУ, 1990. С. 62.
4. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (NJ), 1990. С. 100, 171.
5. Костина А. В. Реклама как фактор формирования аксиологического пространства // Культурологический журнал. 2012. №1(7).
6. Бытие человека: феномены и смыслы: коллективная монография. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. С. 98.
7. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания. М. Институт практической психологии, Воронеж: НПО МОДЭК, 1996. 384 с.
8. Kurtz P. Does Humanism Have an Ethic of Responsibility? // Storer M. B. Humanist Ethics. С. 11.
9. Багдасарьян Н. Г. Глобальное пространство культуры: разрывы современности в тенденциях и парадоксах // Культурологический журнал. 2011. №3(5).
10. Об утверждении «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента России от 31 декабря 2015 г. №683. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
11. Кирьякова А. В. Аксиология образования. Ориентация личности в мире ценностей: монография. М.: Дом педагогики, 2009. 318 с.
12. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
13. Бенин В. Л., Фролов О. В. Культурологический и компетентностный подходы в контексте гуманистической педагогики // Профессиональная педагогика: категории, понятия, дефиниции: сб. науч. тр. Екатеринбург: УИПЦ, 2013. С. 139–148.
14. Беляева Л. А. Методологический статус компетентностного подхода // Понятийный аппарат педагогики и образования. 2012. №7. С. 109–116.
15. Гайсина Г. И. Культурологический и компетентностный подходы в образовательной парадигме современной России: проблема соотношения // Педагогическая культурология: состояние, проблемы, перспективы. Уфа: БГПУ, 2011. С. 32–37.

References:

1. Filatov A. S. Culture of Globalization or Globalization of Culture // Man and Christian Worldview. Preservation of moral and physical health in the world of a changing culture. Almanac. 2004. №9. P. 140–143.
2. Bondyrev A. S. Psychological and pedagogical problems of integrating the educational space. Voronezh: MODEK, 2011. P. 343.
3. Berdyayev N. A. The fate of Russia. M.: MGU, 1990. P. 62.
4. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (NJ), 1990. P. 100, 171.
5. Kostina A. V. Advertising as a factor in the formation of axiological space // Cultural History. 2012. №1 (7).
6. The existence of man: phenomena and meanings: a collective monograph. Orenburg: IPK GOU OSU, 2006. P. 98.
7. Ananyev BG Psychology and problems of human science. M. Institute of Practical Psychology, Voronezh: NGO MODEK, 1996. 384 p.
8. Kurtz P. Does Humanism Have an Ethic of Responsibility? // Storer M. B. Humanist Ethics. P. 11.

Фролов О. В.

9. Bagdasaryan N. G. Global space of culture: discontinuities of the present in tendencies and paradoxes // *Culturological magazine*. 2011. №3 (5).
10. On the approval of the “National Security Strategy of the Russian Federation”: Presidential Decree of 31 December 2015 №683. Access from the ref.-legal system “ConsultantPlus”.
11. Kiriakova A. V. *Axiology of education. Orientation of personality in the world of values: monograph*. M.: House of Education, 2009. 318 p.
12. Kagan M. S. *Philosophical theory of value*. SPb.: Petropolis, 1997. 205 p.
13. Benin V. L., Frolov O. V. Culturological and competence approaches in the context of humanistic pedagogy // *Professional pedagogy: categories, concepts, definitions: coll. sci. tr. Yekaterinburg: WIPC, 2013. P. 139–148*.
14. Belyaeva L. A. Methodological status of the competence approach // *Conceptual apparatus of pedagogy and education*. 2012. № 7. P. 109–116.
15. Gaisina G. I. Culturological and competence approaches in the educational paradigm of modern Russia: the problem of correlation / *Pedagogical culturology: state, problems, prospects*. Ufa: BSPU, 2011. P. 32–37.